

РЕЦЕНЗИИ

Я. П. Изотова

РУССКАЯ КРАСАВИЦА И РУССКИЙ ИНВАЛИД: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ УВЕЧЬЯ В РОМАНЕ В. ЕРОФЕЕВА «РУССКАЯ КРАСАВИЦА»

По мнению и автора, и критики, в нашумевшем романе В. Ерофеева «Русская красавица» главная проблема – проблема несовместимости естественной, природной красоты с социальной некрасотой. Автор полемизирует с Достоевским: в его романе в атмосфере общественной грязи красота не может выжить, она сопротивляется злу и безумию века, но героически погибает.

Ключевые слова: проблема, контраст, антипод, инвалид, литература социалистического реализма, интерпретация, постмодернистский роман.

Y. P. Izotova

RUSSIAN BEAUTY AND RUSSIAN DISABLED PERSON: INTERPRETATION OF THE INJURY IN THE NOVEL IN "RUSSIAN BEAUTY" EROFEEV

According to the author of the article, in the novel in the "Russian beauty» V. Erofeev the main problem is the problem of incompatibility between the natural beauty with a social disgrace. V. Erofeev polemizes with Dostoevsky: in his novel in an atmosphere of public ugliness beauty can not survive, she struggles, but heroically dies.

Key words: The problem, contrast, antipode, person with a disability, the literature of socialist realism, interpretation, postmodern novel.

Контраст между красавицей, «гением любви» Ириной Таракановой и уродливым дядей Мишей – символом болезни общества – только внешний. Автор постоянно подчеркивает телесное совершенство героини – небесный дар, которым она гордится, считая себя уникальной на фоне обычной людской массы: «У меня были красивые пальцы ног, почти столь же музыкальные, как и на руках, а не какие-то обрубки, как у большинства человечества, скрюченные от дурной обуви и невнимания» [Ерофеев, 1992: 140]. Самоценная и первозданная красота Ирины – еще и товар, имеющий дорогую цену, средство для вполне обеспеченной жизни.

В то же время автор делает акцент на бросающемся в глаза несовершенстве безногого калеки. Дядя Миша в отличие от Ирины Таракановой – сам обрубок («Обрубок полз» [Ерофеев, 1992: 152]). Портрет дяди Миши вызывает отвращение и брезгливость: «тут на базар вползает человеческий обрубок, дядя Миша, без трех конечностей, держа в руке стакан, полный водки» [Ерофеев, 1992: 151].

Однако дядю Мишу нельзя считать в полной мере антиподом Ирины Таракановой, так как есть в художественном тексте моменты, указывающие на некую общность, «генетическую связь» между героями.

Хотя в романе В. Ерофеева «Русская красавица» описывается последняя треть XX столетия, «дядя Миша» как бы взят автором из послевоенных лет (недостает только на груди орденов и медалей), что «открывает наличие противоположных возможностей интерпретации увечья» [Куляпин, Скубач, 2005: 108].

Изображение инвалида опустившимся, позорящим общество, омерзительным типом не было в традициях соцреалистической литературы, создавшей «целую энциклопедию советской монструозности» [Куляпин, Скубач, 2005: 109]. Наоборот, «в наиболее экстремистских текстах соцреализма инвалид предпочтительнее здорового человека, ибо телесная ущербность воспринимается как гарантия качества внутреннего совершенства. Советская логика в данном случае проста и очевидна: меньше тела, больше духа» [Куляпин, Скубач, 2005: 109]. Рассказ «Терпение» (1982) Ю. Нагибина об инвалидах, вывезенных из Ленин-

града и Ленинградской области на остров, явился исключением на фоне остальной литературы, его написание сам автор посчитал совершением гражданского «мужественного поступка».

А. И. Куляпин и О. А. Скубач в своей статье отмечают «двойственность отношения к калекам на уровне тоталитарного государства» [Куляпин, Скубач, 2005: 108]. В СССР, уверенно рапортовавшем «о новом подъеме благосостояния населения», «перевыполнении производственных планов», изувеченные в боях за Родину калеки, обретающиеся на вокзалах, рынках, площадях, просящие милостыню в поездах, не вписывались в благополучную жизнь, нарушая всеобщее оптимистическое настроение. Не случайно была популярной байка о том, как на вопрос о возможном участии советских инвалидов в спортивных играх в Сток-Мандевиле представители нашей стороны ответили англичанам: «В СССР инвалидов нет!».

Ползущий по вокзалу дядя Миша в романе изображен трагически одиноким, отделенным от народа, абсолютно не нужным «здоровым» гражданам с «авоськами, с чемоданами», которые, не обращая внимания на безногого, «высоко задирая ноги, лезли в вагон» [Ерофеев, 1992: 152].

В своем фантазмагорийном постмодернистском романе, несколько шокирующем читателя, автор полемичной статьи «Поминки по советской литературе» [Ерофеев, электронный ресурс, URL: <http://www.fedy-diary.ru>], опубликованной в 1990 году, намеренно лишает инвалида внутренней цельности и героизма. Вызывающий досаду и горькое сочувствие дядя Миша – порождение времени.

«Инвалид» в переводе с французского – «отслуживший, заслуженный воин, неспособный к службе за увечьем, ранами, дряхлостью» [Даль, 1979: 44]. За настоящим состоянием дяди Миши («Он никогда не пьянеет, дядя Миша, он никогда не трезвеет» [Ерофеев, 1992: 152] угадывается некая жизненная драма, которую он хочет с помощью спиртного забыть («Зачем пить, если закусывать?») [Ерофеев, 1992: 151]).

Героиня романа В. Ерофеева не без основания мнит себя свобододолюбивой француженкой, бросающей вызов в нарастающем безумстве общественному мнению и «темной силе» в мужском обличье: «Я, Тараканова Ирина Владимировна, она же Жанна д Арк, Орлеанская Дева ...» [Ерофеев, 1992: 182]. Мужчины, называемые ею уменьшительно-ласкательными именами «Витасик», «Леонардик», значительно «мельче» ее. Только после смерти отец ее будущего ребенка, являющийся ей подобно пушкинскому командору, вырастает до «Леонарда».

И красавица, и инвалид выражают свобододолюбивый протест своим антиобщественным, отклоняющимся от нормы поведением: Ирина – далеко не праведным образом жизни, публичными выходками, возмущающими добропорядочных людей, дядя Миша – оскорбляющим достоинство граждан внешним видом, вызывающим брезгливость. По замечанию А. И. Куляпина и О. А. Скубач, «в каждом калеке социум склонен подозревать девиантную личность» [Куляпин, Скубач, 2005: 108]. Оба героя в своем несогласии идут по пути личного разрушения (у Ирины это – проституция высокого класса, у Миши – алкоголизм) и выглядят душевно надломленными, искалеченными.

То, что Ирина, от лица которой ведется повествование, мысленно называет инвалида Мишу «дядей», подчеркивает их «родство». Собственно, и вызывающая красота, и некрасота (инвалидность) воспринимаются как раковая опухоль на «здоровом теле общества», делая героев отверженными.

В романе красота и безобразия – две стороны одной медали. Дядя Миша и Ирина – изгои общества, «пятна» на его якобы чистой поверхности, в связи с чем возникает метаметаморафа рака. В основании социально униженного образа дяди Миши – пословица «Рак клешнею, а богатый мошною».

«Он ползет по базару, загребая единственной клешней. Он заползает в зал ожидания, щеки горят» [Ерофеев, 1992: 152]. Единственная рука-клешня делает безногого, раскрасневшегося от спиртного инвалида похожим на рака – существо довольно беспомощное на

суше, естественной средой которого является чистая, проточная вода. Подобно ракам, живущим в норках на глубине водоема, оказавшись на всеобщем обозрении, они (провинциалка в столице и безногий среди «ходячих») ведут себя вызывающе из-за тщательно скрываемой неуверенности, ощущения отчужденности, инородности.

На протяжении романа имеет место мотив преследования, связанный с Ириной Таракановой: за ней следят и охотятся, а она вынуждена «пятиться», подобно раку, постепенно сходит с ума и гибнет. Ирине, как и дяде Мише, государство уже успело «показать, где раки зимуют».

Героическая молодая женщина с «говорящей» фамилией, «отсылающей» к легендарной княжне Таракановой, в отчаянии восклицает: «Господи! Доколе мне на людей раком смотреть и свидетельствовать о их неблагообразии?!» [Ерофеев, 1992: 171]. Завершающая земная миссия Ирины заключалась в том, чтобы она «ходила среди людей и высвечивала из-под низа всю их мерзость и некрасоту» [Ерофеев, 1992: 171]. Снизу в силу невозможности подняться «высвечивает некрасоту», то есть нравственное уродство общества, и дядя Миша. Собственно, факт того, что лицо ползущего инвалида находится ниже пояса стоящего в полный рост человека, демонстрирует унижительное положение первого.

Ирина чувствует лживость общественной морали своего времени в отношении инвалидов, о которых окружающие не думают как о полноправных людях, полагая, что, кроме лечения, им ничего не нужно («медицинская модель» отношения к инвалидам). Она, социально обделенная местом рождения (провинциалка), родительскими связями, устойчивым семейным положением во взрослой жизни, призывает не к унижающей личность жалости, а к равенству. Эпатажно, шокирующе заявляя про памятник в виде женского полового органа (памятники, как известно, принадлежат народу), Ирина Тараканова в завещании напоминает о наличии у обездоленных, части русского народа, естественных, человеческих потребностей: «они найдут ей применение, но не требуйте от них объяснений, они найдут» [Ерофеев, 1992: 184]; «отдайте бедным, отдайте инвалидам, калекам, служащим нижайших чинов, неспособным студентам ...» [Ерофеев, 1992: 184].

В патриотизме героини В. Ерофеева трудно усомниться, так как даже в ее предсмертных словах заключена идея любви к многострадальной Родине и ее гражданам: «я просто счастлива жить и работать в этой стране, посреди такого удивительного народа, и если кому не угодила, извиняюсь» [Ерофеев, 1992: 191]. Авторская идея «прозрачна»: не жалость, а признание каждого человека вместе с его особенностями и потребностями – показатель нравственного здоровья цивилизованного общества.

Библиографический список

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : Т. 1-4 / В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1978. – Т. 2. И-О. 1979. – 779 с.
2. Ерофеев, В.В. Русская красавица : роман / В.В. Ерофеев. – М. : АО «Политекст», АО «Серебряная подкова», 1992. – 192 с.
3. Ерофеев, В.В. Поминки по советской литературе / В.В. Ерофеев. – URL: <http://www.fedy-diary.ru>. (04.10.2014).
4. Куляпин, А.И. Про уродов и людей: невербальные тексты в культуре тоталитаризма / А.И. Куляпин, О.А. Скубач // Текст: проблемы и методы исследования: сборник научных статей / под ред. Э.П. Хомич. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. – С. 101-113.